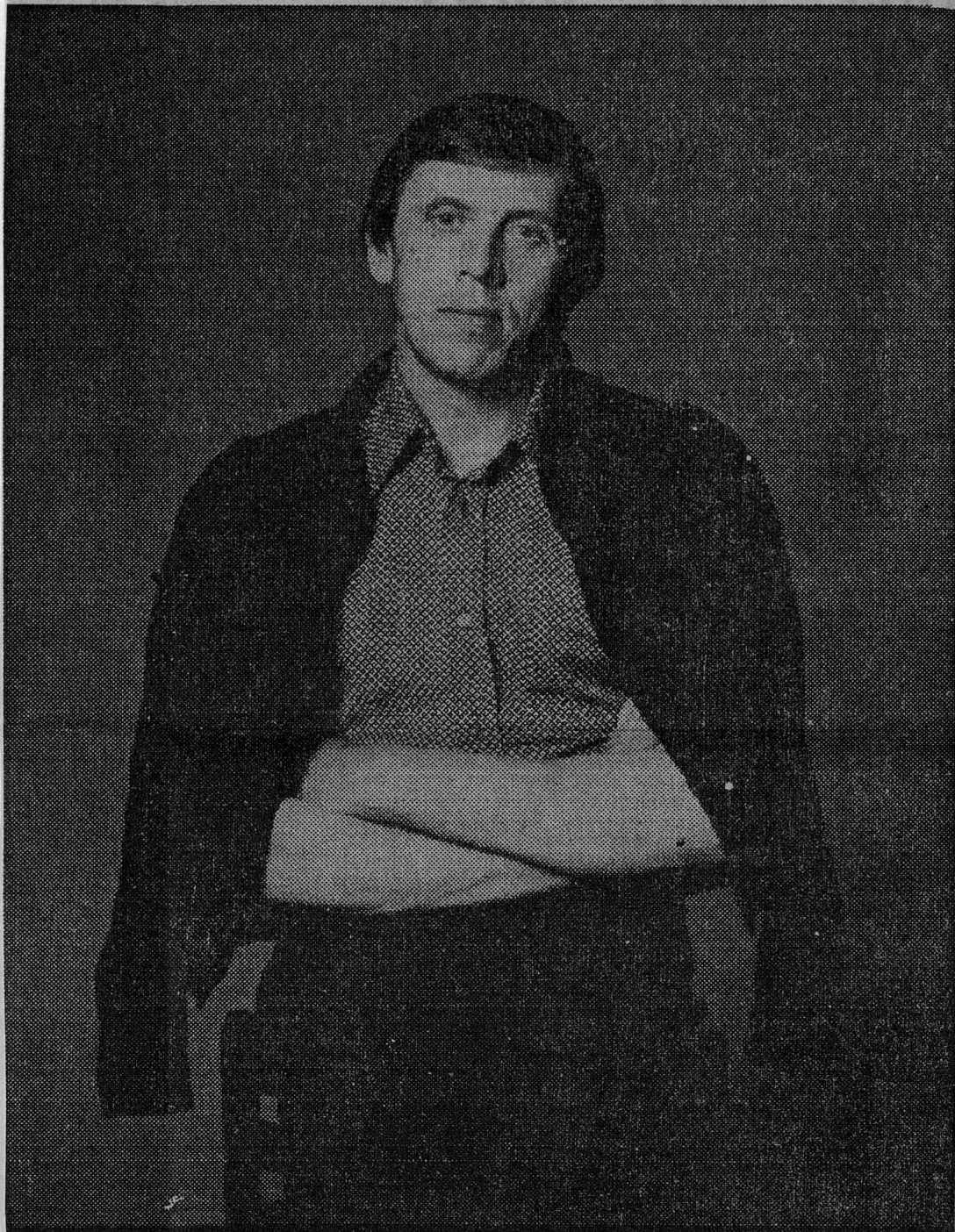




Фотограф
Валерий
ПЛОТНИКОВ

Валерий Золотухин:

Смена (С-Пб) - 1994, -17 сент. - с. 3.

"На высшем суде с нами разберутся..."

идиллической — какой-то романтике. Да, съездить хорошо, поплакать над березками... Вот Шукшин все время мечтал уехать из Москвы, сесть за стол и писать... Как Астафьев, к примеру. Но Шукшин, кроме всего прочего, был заражен публичностью своей профессии — кинематографом, актерством. И это для него невозможно было...

— А для вас?

— И для меня... Ну куда я без Таганки? Вся моя жизнь — это Театр на Таганке. Когда-то, после опубликования моей первой повести, «На Исток-речушку», к детству моему, у меня были разные амбиции, тоже хотел уйти из театра за письменный стол — но этого не случилось...

— Однако писать продолжаете?

— Продолжаю, но это не главное... И никаких иллюзий насчет своих литературных опусов уже не питаю. Вот я получил письмо от одной корреспондентки: не вздумайте, пишет она, только составить о себе ложное представление... Когда говорят о Шукшине — актер, режиссер, писатель, — то он прежде всего писатель. А вы прежде всего актер. А потом уж писатель, певец, на дуде игрец... Поэтому я вспоминаю свои, всякие сценические подвиги: да, действительно, моя профессия — именно актер подмостков. Не экранный! Вообще, я считаю, киноактерство — это побочное ремесло драматического артиста...

— Поэтому-то вас давно не видно на экране?

— Почему? Снимаюсь иногда. Просто наш кинематограф, как известный, зрителя своего потерял — между ними огромная сейчас пропасть. А последний раз я снимался в «Чонкине» по Войновичу, прошлым летом, в Чехии. Иржи Менцель, замечательный театральный актер и режиссер, известный по фильму «Поезда особого назначения», за который он получил «Оскара», предложил мне роль парторга Килина. Огромное удовольствие работать с ним. Но не знаю, появится ли фильм вообще у нас на экранах. Режиссер недвусмысленно говорил, что, вряд ли фильм поедет в Россию, поскольку он дорогой. Права Войновича принадлежат англичанам, артисты были русские, продукция получилась совместная кака-то. Не знаю, что в результате вышло, но прокат наш вряд ли ее купит...

— А в основном мое время занято театром, судами, тяжбами и всем прочим.

— Театр и суды, тяжбы — сочетание не самое естественное. Возможно ли продолжать быть актером, заниматься творчеством в состоянии непрерывной войны?

— Ну конечно, проще всего сказать: невозможно! Однако ведь, знаете, и в войну люди продолжали любить, писали стихи, песни, и не только о войне... Да, мы два года ведем эту хреновину с Губенко, занимаемся дележом театра и прочим. Но ко всему человек привыкает, к сожалению... И мы привыкли. Это ведь бумажная война. Раз дело потонуло в судах — забыты нравственные законы и обязательства, вопросы морали, чести. Плюнули на Любимова, на историю Театра на Таганке и стали делить имущество... Вот мы в отпуске, а в конце июля без нас состоялся суд, который признал теперь уже законным решение правительства Москвы о передаче всего комплекса помещений Театра на Таганке Любимову. И нам выдали бумагу, что, действительно, Театр на Таганке является хозяином всего комплекса помещений. Ну а кто еще, как не Таганка, может здесь быть хозяином?

— Губенко и его группа вполне резонно могут сказать: мы тоже Таганка!

— Сказать-то они могут, и гово-

рят. И теперь они подали бумагу в высшую инстанцию — в арбитражный суд России... Но Таганка — это все-таки Любимов. Никакой не Золотухин, не Филатов, не Губенко... Даже не Высоцкий. До прихода Высоцкого, Золотухина и Филатова — на Таганку нельзя было достать билета. Стояла конная милиция у Училища имени Шукшина, когда была премьера «Доброго человека из Сезуана». И под архитектурным ансамблем нового здания стоит подпись Любимова... Таганка — это Любимов! И, к сожалению, этого многие не понимают.

— По-моему, Валерий Сергеевич, все просто окончательно запуталось уже во всей этой истории...

— А запутались-то в трех соснах! Ну как можно поднимать руку... на КБ Туполева! Ну не может какой-то подмастерье сказать Туполеву: вы идите на пенсию, а мы тут вместо вас... Во-первых, хочется спросить у того подмастерья: а умеешь ли ты самолеты-то строить?.. Любимов — это все-таки история отечественного театра, куда ни кинь! А Коля, ничего не сделав, ни одного спектакля не поставив, снискал себе славу Герострата!

Я-то думал вначале, когда они все затеяли, что они уйдут в другое помещение, будут делать спектакли, мы разделим бюджет — и будет у них худо-бедно свое дело. Но они свое дело организовать не смогли! Они даже название взяли — «Содружество актеров Таганки», ну что это такое? И главное для них — ухватить это помещение, потому что все-таки на Таганку народ пойдет. При этом они ничего не играют. Ну, там впопыхах Сергей Соловьев выпустил «Чайку». Но они могли выпустить ее где угодно, в кинотеатре «Казахстан», например. Им правительство Москвы давало четыре помещения на выбор! Нет же... Отобрали сцену силком, поставили вооруженную охрану. И мы не можем на большой сцене играть ни «Бориса Годунова», ни «Живаго», ни «Электру», ни «Три сестры»...

— И в таких условиях можно еще что-то репетировать, и даже что-то работать? Разве это нормально?

— Ну ненормально — сами понимаете... Мы семь месяцев и молчали, ничего не играли, когда Любимов закрыл театр. Но никто не заметил этого! Мы-то полагали, что общественность Москвы задумается... Но тут то один пучок, то еще что-то... Не до нас! Не хотите играть — ну и не играйте! Только потеряете квалификацию... И мы вынуждены были открыться в изгнании — то есть сыграть премьеру «Доктора Живаго» во Дворце культуры «Меридиан». И это нас спасло. Люди туда приходят и говорят: вот она, Таганка! Мы Таганку перенесли к метро «Калужская»! И там стоят очереди за билетами, где полторы тысячи мест...

— Валерий Сергеевич, о «Докторе Живаго», в котором вы сыграли главную роль, существуют разноречивые мнения. Вам лично этот спектакль представляется удачей?

— Большой удачей! Я имею в виду не свою работу, в этом спектакле — огромная творческая жила. Она разбросана, как у Любимова всегда бывает, в разных находках, деталях, но там заложено направление будущей Таганки! И из этого можно уже многое развивать... Это музыкальнейший огромный спектакль, движущийся, танцевальный... Там сложнейшие хоры Шнитке написали; трехголосие для драматических артистов, без сопровождения — это очень трудно. Кто-то не принимает этот спектакль — но ведь попал-то он в неблагоприятную ситуацию, во время распри. А распра — не только в театре, она и в прессе, и среди поклонников одного-другого...

— Наверное, дело уже давно не

в том, кто в этой расправе прав, а кто нет...

— Нет, дело в этом! Все-таки в этом... Конфликт-то, между нами-девочками говоря, начался между Любимовым и Губенко. Все как-то упускают этот момент — ведь с политического конфликта все началось. Коля стал министром культуры СССР. Вы понимаете, что такое — вырастить под боком министра! Мы приезжаем в Прагу на гастроли, а в это время танки входят в Ригу и в Вильнюс. Любимов делает политическое заявление, как он это всегда делает. От себя и от театра. А Коля не может выйти на сцену с ним! Потому что он человек Горбачева. Он же вынужден поддерживать политику своего шефа!

— Но его же понять можно...

— Понять можно. Но тогда ты уйди в сторону и не делай конфликта уже внутри театра! Война началась с этого. И Моссовет почему с легкостью такой принял решение организовать структуру «Содружество актеров Таганки» и юридический адрес выписать по адресу Театра на Таганке? Ведь Любимов очень много врагов себе нажил за 30 лет. Он же человек непримиримый. Все прежние комсомольские вожди стали вождями административными — ничего не изменилось. Они думают, что характер Любимова можно переделывать — не переделаешь!..

— И все же для большинства зрителей, предположу, история Таганки представляется уже законченной...

— Это естественно. Театр на Таганке как таковой ушел в легенду. Но ведь есть репертуар, на который зритель по-прежнему ходит. У нас еще на 10 лет хватит играть! Есть премьера «Живаго». Любимов начинает новый спектакль — «Медведь». Говорят: Любимов кончился! При чем тут «кончился»? Время ушло. И «Современник» был другой, и МХАТ, но их же никто не закрывал... И Таганка другая — но просто в силу времени.

Более того, если бы сейчас Губенко отказался от своих притязаний, то все мы соединились бы давно!

— Вы верите в воссоединение Таганки? И смогли бы выйти на сцену вместе со своими недавними противниками?

— Знаете, я смог бы. Думаю, что и они смогли бы. И все смогли бы. Ну, может быть, за некоторым исключением. Потому что время прошло. Вот этот забор боевой, эта агрессия, непримиримость — все ведь ушло. Как у них, так и у нас. Они поняли, что наделали что-то не то. И мы поняли, что — ну, а конце концов, некуда им деваться. Профессия актерская ведь зависима. Ну кто из Театра на Таганке может устроиться на работу в другой театр? Единично! Ну возьмут Демидову, Золотухина, Филатова, еще мы наберем три-четыре фамилии. А артистов — девяносто! Восемьдесят куда пойдут?..

Кстати, ведь раскол в театре изначально пошел и по этой части тоже. Страх толкнул людей. Страх, что Любимов реорганизует театр, что он выбросит на улицу, как они говорили, актеров многих, что он их не будет брать в заграничные гастроли...

— А это не безосновательный был страх?

— Безосновательный. Он и у меня есть. Но одно дело — иметь страх, а другое — заниматься ремеслом своим таким образом, чтобы ты был нужен и интересен кому-то и без Любимова. Получилось так, что большинство актеров не может обеспечить себя работой. Они никому не интересны, никому не нужны и только вот за этот якорь и держатся...

— Но ведь Таганка и из них тоже складывалась?

— Да, но время все-таки жестокое... Любимов, кстати, очень уже давно говорил о том, что надо переходить на новые экономические взаимоотношения. И люди, мне кажется, должны быть готовы к этому. Вспоминаю, как в 77-м году мы были во Франции и набирали актеров-статистов в спектакль «Мать». Они получали за выход больше, чем мы — суточных. Но если у кого-то сегодня не было работы в нашем спектакле — он стоял в гардеробе, брал метлу, швабру... И это профессиональные артисты! А у нас советская власть профессию актерскую поставила в элитарный такой ряд. Всегда наша профессия была нищая, всегда актеры жили только меценатскими воспомоществованиями. За исключением разве что звезд, а раньше — солистов Его Императорского Величества...

— Ну а как быть тем, у кого нет имени, но кто всю жизнь прослужил этому театру?

— Значит, надо приспосабливаться. Надо уходить из профессии, если она не может кормить...

— А если с вами что-либо такое произойдет — останется без работы или профессия перестанет кормить — чем займется?

— Все может быть, но у меня есть надежда, что в ближайшее время моя труд все-таки прокормит. Я имею предложения в кинематографе, в театре, меня поддерживают книги, которые выходят... А психологически я готов к чему угодно: очень легко могу встать за прилавком, быть помощником где-то у кого-то... Корона с головы у меня не упадет от этого.

Кстати говоря, году в 87-м, после смерти Эфроса, но еще до приезда Любимова, я хотел с театром заявлять и пытался открыть свою пельменную...

— Почему пельменную?

— Ну я люблю стряпать сибирские пельмени, умею... Думал, что под имя мое — все получится. Собрал уже штат поваров, устав приняли, зарегистрировали. Но все дело было в помещении. А вот как раз тут я и не знал, что делать... Меня исполкомовские работники водили за нос — нужна была, как мне потом объяснили, «сумма риска» — три тысячи. Взятка по сути. И тогда бы все проблемы решились. Ну а пока я суетился, собирался — приехал Любимов. Он опять меня запряг на сцене, стал восстанавливать спектакли, и уже было не до пельменной... Да я и не жалею. Каждому свое. Тут все дело в том, что не у меня коммерческой жилки... Я даже квартиру себе пробить не могу: когда ушел от первой семьи — купил кооператив на первом этаже, так сейчас там и живу...

— Валерий Сергеевич, ну а если с точки зрения религиозного человека, христианина, назовым вы являетесь, взглянуть на то, что на Таганке происходило? На ваши поступки, Любимов?

— Знаете, я думаю, что не стоит вмешивать Бога в наши мелкопоместнические конфликты. Ну что мы тут будем?.. Мне кажется, что я поступаю по христианским заповедям, а им кажется, что они... Филатов меня обвиняет: он-де выживает своих коллег из театра: а мне кажется, что выживают как раз Губенко с Филатовым. Я боюсь вульгарного толкования таких понятий... На Суде Высшем мы все предстанем, и там с нами разберутся. Потому что дела людские — мы в них часто запутываемся... Все мы надеемся на спасение души, хотим спастись, хотим оправдаться, но не получается...

Беседовал
Максим МАКСИМОВ

— Почему вы всегда ходите с посохом?

— Привычка. Когда-то у меня был туберкулез кости, я лежал на Горном Алтае в детском костно-туберкулезном санатории, эвакуированном из Ленинграда в 42-м году, и до восьмого класса передвигался на костылях. Так что какое-то внутреннее право ходить с палкой у меня вроде бы есть...

— Но необходимости нет?

— Никакой... На третьем курсе института у меня было истощение нервной системы; перед экзаменами послали в дом отдыха. И там я влюбился в женщину на восемь лет меня старше, вырезал себе палочку от нечего делать, для солидности. Приехал в институт — все удивились: почему с палкой? Я отвечал: для пикантности. Ректор недоволен был Золотухин! Знамя ГИТИСа — и с палкой! А мне просто эта игра понравилась. Показуха такая внешняя мне всегда присуща была. По молодости — в большей степени, сейчас — в меньшей... Потом я стал вырезать палки сам, увлекся. Их стали воровать. Эту мне подарили на 50-летие.

— Со своей родиной, с Алтаем, вы по-прежнему не теряете связи?

— Только что был в Сростках, на Шукшинских чтениях. Когда летел туда — сомневался: зарастет, думал, народная тропа... Вот не соберет сегодня Шукшин такое огромное количество народа, как, допустим, 15 лет назад. Нет, собирает! Хотя приезд гостей стал проблематичнее, билет на самолет стоит 220 тысяч. Но «Хопер-инвест» показал нашей киноделегации, и все прилетели: Жариков, Федосеева-Шукшина, Бочкин, Саша Панкратов-Черный, Анатолий Ромашин, Люба Соколова, Куравлев. И, разговаривая в Сростках с людьми, я услышал: мы этот день ждем, как собственный день рождения! Как новогодний праздник. Для местных жителей день рождения Шукшина перерос уже в праздник кино, литературы, в культурный обычай. И это очень важно для Алтая. Шукшин своим именем, своими фильмами, книгами облагородил этот край... А еще я часто бываю на Алтае в связи с храмом, который помогаю

восстанавливать в своем селе, Быстром Истоке. В 30-е годы у нас был разрушен храм Покрова Святой Богородицы, и самый большой, самый отмечаемый праздник в селе — Покров день. Когда в 91-м году вышла моя книга, то большую часть гонорара я решил употребить на строительство храма. И односельчане меня поддерживали. Уже позже от старшего брата я узнал, что в разрушении храма принимал участие и наш отец. Тем более мне стало это необходимо. Как покажние. Сейчас продолжаю собирать средства, агитировать. Мы уже заложили мощный фундамент. Но дело все время останавливается, и опять я летал на Алтай, один завод обещал мне 50 миллионов, другой обещал... Разговаривал с руководителями края, и все гособлюдение должны выделить средства. Так что храм этот мы построим...

— Валерий Сергеевич, а проблема столицы и глубинки, их неконформности, волновала вашего друга и земляка Василия Шукшина, никогда для вас лично не была болезненной? Ведь судьбы ваши в чем-то похожи...

— Я даже как-то в дневнике своем сформулировал — «комплекс Шукшина». Хотя у него это был не комплекс, а скорее, задиристое такое отношение к городу. Так же, как у героев его — задиристость к интеллигенции, к центру, к Москве. Что дало, между прочим, неблагодарные всходы. И сейчас любая комиссия или делегация из центра — экологическая, культурная — пытается заигрывать с местным населением: вот-де, Москва или Санкт-Петербург загнили, европеизировались или американизировались, а чистота, какая-то «настоящность», надежность сохраняется в Сибири, в деревне, на Алтае... Все это чепуха! Потому что все самое талантливейшее всегда будет стремиться в центр, это эффект Ломоносова! Один хрен — он уйдет пешком! Это закон жизни. И нельзя искусственно противопоставлять центр провинции, провинцию центру. Одно без другого существовать не может!

Меня самого тянет, конечно, туда, на Алтай, в деревню, попить, как говорят, корни. Но я достаточно самоироничен в этом смысле и понимаю, что это больше относится к